

Юань Чжэнчу ничего не скрывал от Цуй Сяня. Сейчас в мире людей задержалось слишком много душ, и большинство из них подверглось разъедающему воздействию скверной ци; после искажения они начинали творить бедствия в разных местах. Мир погрузился в хаос, скверная ци разлилась повсюду, из-за чего стало трудно различать людей и призраков, добро и зло переплелись, а последствия затронули уже не только человечество, но и всё живое, существующее в этом измерении.

Именно ради этого он и покинул горную обитель.

Однако он никак не ожидал, что род Цуй окажется в нынешнем положении, поэтому не мог принимать решение за Цуй Сяня. Но если Цуй Сянь всё же решит, оставаясь обычным смертным, унаследовать обязанности «Судьи», тогда Юань Чжэнчу тоже не станет уклоняться от своей ответственности. Он был готов встать перед Цуй Сянем и вместе с этим «смертным» принять на себя и явные удары, и скрытые козни, и все тяготы, подобные режущему ветру и морозным клинкам; стать для него мечом и щитом.

Юань Чжэнчу больше ничего не сказал, лишь выжал воду из ритуального одеяния и стал ждать решения Цуй Сяня.

Цуй Сянь ещё долго сидел на корточках, а затем вдруг поднял голову и задал мужчине вопрос, который, казалось, почти не относился к делу:

— Я могу тебе доверять?

Юань Чжэнчу кивнул.

— Можешь.

Цуй Сянь невольно рассмеялся. Связи между людьми и впрямь удивительны. За годы в индустрии развлечений он сам солгал бесчисленное количество раз и слышал не меньше лжи. И все цветистые речи, сладкие обещания и клятвы стольких людей не смогли сравниться с одним спокойным «можешь» от Юань Чжэнчу.

Цуй Сянь решил попробовать. Лучше осторожно, исподтишка, не пытаясь докопаться до всего сразу и не заходя слишком далеко. Даже если не получится, главное - остаться в живых, пусть даже придётся влачить жалкое существование. Он не мог перечеркнуть всё, чем дед и отец пожертвовали ради того, чтобы он продолжал жить.

После этого Юань Чжэнчу поселился в старой усадьбе рода Цуй. Шэньцюэ Инь и Ян открыто и без всякой маскировки был вонзён в ручку алых ворот дома Цуй, отсекая недобрые взгляды и осторожные попытки тех, кто хотел прощупать обстановку.

Три дня подряд Цуй Сянь и Юань Чжэнчу ели и жили вместе, позволяя их «ци» и «полям»

постепенно привыкнуть друг к другу, а в идеале - войти в резонанс. Потому что, если требовалось за короткий срок решить проблему полной неспособности Цуй Сяня пользоваться магической силой, Юань Чжэнчу смог придумать лишь один способ, который позволял бы сохранить обе стороны.

— Способ заимствования магической силы? А у какого божества её заимствовать? Разве с такими техниками не получается так, что чем больше силы берёшь взаймы, тем сильнее потом обратный удар? — с недоумением посмотрел на Юань Чжэнчу Цуй Сянь.

— У меня.

— Что? Разве можно одалживать магическую силу у живого человека? — это уже выходило за пределы знаний Цуй Сяня.

Юань Чжэнчу имел в виду, что подобный метод действительно упоминался в старых трактатах, однако условия были крайне суровыми. Прежде всего врождённые энергетические каналы двух людей не должны были отторгать друг друга, а их поля ци обязаны были быть совместимыми. Уже одно это условие почти невозможно было выполнить: у каждого человека энергетические циклы замкнуты и вращаются самостоятельно, образуя подобие отдельной вселенной. Если же соединить каналы двух людей и передавать по ним магическую силу, это почти равносильно тому, чтобы насильно заставить слиться две вселенные - чрезвычайно трудно и опасно.

Кроме того, при прохождении силы через два разных энергетических контура она неизбежно ослабевала. Если передать десять частей, получатель мог в итоге получить лишь три. Поэтому такой неудобный и опасный способ почти никто не использовал.

Но сейчас для Цуй Сяня это был лучший выбор.

Ночью они лежали рядом на кровати в спальне второго этажа, плечом к плечу, ногой к ноге. Цуй Сянь за последние годы привык жить один: в его комнате, кроме него самого, никогда не было ни одного живого существа, не говоря уже о настоящем живом человеке, который сейчас лежал рядом и спокойно дышал.

Юань Чжэнчу лежал с закрытыми глазами и дышал ровно, невозможно было понять, спит он или нет. Цуй Сянь же никак не мог уснуть. Он невольно думал о том, насколько странно всё обернулось. Когда они встретились в Циньлине, едва не дошло до драки насмерть, а прошло всего несколько дней, и теперь они лежат в одной постели.

От этого становилось и неловко, и как-то странно.

Пока Цуй Сянь предавался беспорядочным мыслям, он повернул голову и увидел Сяо Ба.

Кот совершенно бесшумно сидел на прикроватной тумбочке и огромными глазами, отражавшими ночной свет, словно двумя прожекторами, неотрывно смотрел на лежащих рядом мужчин.

— Твою ж... сынок, ты меня среди ночи до смерти напугать решил?!

Сяо Ба отвернул голову. Ещё недавно называл его «маленьким предком», а теперь, стоило рядом в постели появиться другому человеку, уже сам себя отцом величает.

Хм. Мужчины.

Сяо Ба был недоволен: ему казалось, что его территорию заняли. Но Юань Чжэнчу он победить не мог, поэтому оставалось лишь терпеть унижение и караулить у изголовья.

Цуй Сянь уже хотел протянуть руку, подхватить Сяо Ба и прижать к себе, когда мужчина рядом, всё ещё не открывая глаз, вдруг произнёс:

— Нельзя. Энергетические каналы человека и животного отталкивают друг друга. Он будет мешать.

Цуй Сянь неловко убрал уже протянутую руку и потёр нос.

— А-а, понятно.

Усы Сяо Ба задрожали от злости. Ну конечно! Стоит появиться мачехе - следом обязательно появится и отчим*. Соседская Сяохуа в своё время не обманула.

(ПП: Это народная поговорка, которая означает: если у отца появляется новая жена (мачеха), то она обязательно настроит его против родных детей, и отец станет «чужим», отчимом, т.е. перестанет быть настоящим отцом.)

В итоге кот просто выпрыгнул в окно и отправился обратно в своё логово точить зубы. Цуй Сянь удержать его не сумел и решил, что завтра просто купит сушёной рыбёшки и задобрит. Но теперь, когда он знал, что Юань Чжэнчу не спит, лежать в такой тишине стало ещё более неловко, и Цуй Сянь решил заговорить хоть о чём-нибудь.

— Не зря тебя Небесным наставником называют, даочжан. Ты и правда много знаешь, даже такой способ сумел придумать.

— Не называй меня даочжаном. Мой учитель давно удалился от мира, а я всего лишь обычный практик.

— Тогда как мне к тебе обращаться? — Цуй Сянь подумал, что не станет же он звать его «младшим братцем». Возраст-то возрастом, но по ауре Юань Чжэнчу был скорее ровесником его деда. Ему было очень любопытно, кто вообще сумел вырастить из такого красивого молодого человека маленького старика.

— Как угодно.

— Эм... брат, а как называется трактат, где описан этот способ одалживания магической силы? Можешь дать мне почитать?

По правде говоря, из-за привычек, которые с детства привил ему отец, Цуй Сянь любил заучивать книги наизусть, особенно старинные трактаты и каноны.

Юань Чжэнчу некоторое время молчал. Цуй Сянь повернул голову и посмотрел на его профиль, попутно мысленно восхитившись: нос и правда высокий.

— Что?

Он подождал ещё немного и уже решил, что Юань Чжэнчу заснул, как тот вдруг снова заговорил:

— «Краткий обзор тайного искусства гармоничного соединения Инь и Ян».

— А-а, понятно, значит, гармоничное соединение Инь и Ян... Погоди-ка! Да это же парное совершенствование!

Цуй Сянь мгновенно подскочил на кровати, а в голове у него с грохотом пронеслась целая вереница «жёлтых поездов» - мысли одна непристойнее другой.

Юань Чжэнчу наконец открыл глаза и нахмурился:

— Чего орёшь? Это всего лишь одно из направлений совместного совершенствования жизни и природы. Книга совершенно серьёзная.

Насколько серьёзной была книга, Цуй Сянь не знал, но вот сам он, кажется, уже переставал быть серьёзным.

Юань Чжэнчу снова закрыл глаза.

— Ложись. Мы оба мужчины, чего ты так дёргаешься?

Цуй Сянь посмотрел на лежащего на кровати мужчину с прекрасными, словно нарисованными чертами лица, широкими плечами и крепким телосложением; его грудь медленно поднималась и опускалась в такт дыханию.

«Именно потому, что мы оба мужчины, всё и становится опаснее», - подумал Цуй Сянь. Этот молодой даос явно ещё слишком мало знал о жизни.

Так Цуй Сянь и провёл всю ночь, чувствуя необъяснимое беспокойство во всём теле. А когда наконец уснул, ему всю ночь снились сны. Ему виделось бескрайнее чёрное море под ясным лунным светом, над которым до самого горизонта тянулись листья лотоса. Он лежал на белоснежном цветке, а лепестки мягко поднимали и опускали его, словно дышали вместе с ним. Тихий, чистый аромат лотоса окутывал всё тело и никак не рассеивался...

<http://bllate.org/book/18411/1950638>